

УДК 821.161.1(092)+821.161.1(092)+821.161.1(092) DOI: 10.17238/issn2227-6564.2017.2.131

*ПОСПЕЛОВА Ольга Владимировна, аспирант кафедры литературы высшей школы социально-гуманитарных наук и международной коммуникации Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова. Автор 5 научных публикаций**

ОБРАЗ «ПОЛУНОЧНОГО СОЛНЦА» В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ О РУССКОМ СЕВЕРЕ А. РЕМИЗОВА, М. ПРИШВИНА, Е. ЗАМЯТИНА

Стихотворение Алексея Ремизова «Белая ночь», вошедшее в третий раздел («В царстве полуночного солнца») повести «В плену», связанной с северной ссылкой, очерковые произведения о Севере Михаила Пришвина – «В краю непуганых птиц» и «За волшебным колобком», а также рассказы «Африка», «Ёла» и повесть «Север» Евгения Замятина рассматриваются в данной статье в фокусе исследования Северного текста русской литературы. Образ белой ночи – один из сквозных в произведениях, составляющих Северорусский литературный текст. Вероятно, это объясняется тем, что в данном образе заключена исключительная, непередаваемая красота северного края. Кроме того, образ белой ночи позволяет писателям транслировать свои мировоззренческие идеи: в свете «полуночного солнца» открываются невидимые днем тайны – и в момент остановившегося времени человек остается наедине с миром. Образ белой ночи, созданный писателями в указанных произведениях, – емкий, амбивалентный, обладающий особой мифопоэтической символикой. В ходе анализа обнаруживается много сходных мотивов при описании белых ночей у таких разных писателей, как А. Ремизов, М. Пришвин, Е. Замятин, по разным причинам оказавшихся на Русском Севере. Неземной свет белых ночей не только волнует и будоражит фантазию человека, но и изменяет предметы окружающего его мира, стирая грань между реальным миром и миром сновидений, приоткрывая тайны мироздания. Образ белых ночей связан с мотивами сна, тумана, сказки, чуда. В рассматриваемых сочинениях пора межвременья отмечена особой хрустальной зыбкостью, прозрачностью, чистотой.

Ключевые слова: *Северный текст русской литературы, А. Ремизов, М. Пришвин, Е. Замятин, образ белой ночи, образ «полуночного солнца».*

Нет ничего удивительного в том, что писатели, родом из Средней полосы России – Алексей Ремизов, Михаил Пришвин, Евгений Замятин, –

оказавшись на Севере по разным причинам, попали под очарование тихого сияния полярного дня, называемого оксюморонным сочетанием

*Адрес: 163002, г. Архангельск, ул. Смольный буян, д. 7; e-mail: kary17@yandex.ru

Для цитирования: Поспелова О.В. Образ «полуночного солнца» в произведениях о Русском Севере А. Ремизова, М. Пришвина, Е. Замятина // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2017. № 2. С. 131–136. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2017.2.131

«белые ночи», ведь это природное явление завораживает и очаровывает всех.

Е.Ш. Галимова не без оснований считает образ белых ночей одним из сквозных в произведениях, относящихся к Северному тексту русской литературы: «...смысловое наполнение этого образа непосредственно соотносится с теми глубинными смыслами, которые и позволяют характеризовать Северорусский литературный текст как свертхтекст» [1, с. 442].

В образе белой ночи на Севере, созданном в произведениях М. Пришвина и Е. Замятина, можно обнаружить множество сходных мотивов: белые ночи видятся этим писателям явлением необыкновенным, характеризуются особой призрачностью, хрустальной прозрачностью, зыбкостью, чистотой. Неслучайно именно белый цвет становится знаковым при описании Севера: огромные пространства прибрежной части материка и морей Северного Ледовитого океана большую часть времени находятся либо под белоснежным покровом длительной полярной ночью, либо окутаны таинством летних солнечных ночей.

В очерковой книге М. Пришвина «В краю непуганых птиц» (1907) читаем: «Полуночное солнце – красное, устало, не блестит, но светит, белые птицы рядами уселись на черных скалах и смотрят в воду. Все замерло в хрустальной прозрачности...»¹. Графически-контрастный пейзаж статичен: белые птицы на черных скалах в свете «полуночного солнца» и отражении морской водной глади – все видится прозрачным потому, что свет не яркий, дневной, а приглушенный, мерцающий переливами, хрустальный, т. е. очень зыбкий и кратковременный, таинственный, и таинство это при неловком соприкосновении с ним легко рушится и исчезает².

Белая ночь – особое время: солнце лишь на миг останавливается, все замирает, и собственно ночь длится всего мгновение. Это особое пограничное состояние, которое трудно уловить и легко спугнуть, время торжества ночной тишины при дневном свете: «Останавливается день <...> ночь, тихо, светло, совсем как днем светло, но все изменилось, потому что все остановилось <...> призрачно <...> как эта белая ночь»³.

А вот как описывает эту кратковременность, зыбкость Е. Замятин в рассказе «Африка» (1916): «...на камне белая гага спит – не шелохнется, спит, а глаза открыты, и все, белое, спит с глазами открытыми: улицы изб явственных глазу до сучка последнего; вода в лещинках меж камней; на камне – белая гага. И страшно ступить погромче: снимется белая гага, совется – улетит белая ночь, умолкнет девушка петь»⁴. Остановленное мгновение, едва уловимое в своей кратковременности, завораживает писателей. Подобное описание есть и в другом произведении Е. Замятина – повести «Север»: «...происходит так: солнце летит все медленнее, медленнее, повисло неподвижно. И все стоит закованное, залитое навек в зеленоватое стекло <...> Минуту все стоит стеклянное, эта минута – ночь. И вот – чуть приметно шевельнулось солнце. Напружилось – еще чуть – струнуло, и все – вдребезги: брызнули в море разноцветные верешки...»⁵.

В более раннем, чем указанные прозаические тексты М. Пришвина и Е. Замятина, стихотворении А. Ремизова «Белая ночь» (1906) также звучит мотив остановившегося времени: «Застыло время. / И полночь с полднем шепчутся»⁶. Персонифицируя явления природы, автор подчеркивает их необычность, ведь в них заключена исключительная, непередаваемая красота северного края.

¹Пришвин М.М. В краю непуганых птиц // Пришвин М.М. За волшебным колобком: повести. М., 1984. С. 1.

²О символике цветописи у Пришвина см.: [2].

³Пришвин М.М. За волшебным колобком // Пришвин М.М. За волшебным колобком: повести. С. 137.

⁴Замятин Е.И. Африка // Замятин Е.И. Избранное. М., 2009. С. 75.

⁵Замятин Е.И. Север. Повести, рассказы, сказки: собр. соч.: в 4 т. М., 1929. Т. 4. С. 7.

⁶Ремизов А.М. Белая ночь // Ремизов А.М. Собр. соч.: в 10 т. Т. 3. Оказион. М., 2000. С. 107.

Белая ночь смещает границы, вовлекая в атмосферу таинственности, и реальность теряет ясность очертаний: «Иногда проснешься и долго не поймешь: день теперь или ночь. Летают птицы, порхают бабочки, беспокоится потревоженная лисицей мать-куропатка. Ночь или день? Забываешь числа месяца, исчезает время...»⁷. Мотив пограничного состояния, балансирования на грани сна и бодрствования в связи с образом белых ночей звучит и в рассказе Замятина: «Не было ни ночи, ни дня: стало солнце. В белой межени – между ночью и днем, в тихом туманном мороке бежали вперед на север...»⁸.

Это странное время, когда, кажется, приходит ночь, но она не несет с собой темноты, как образно напишет об этом А. Ремизов: «Темь-скрытница летает где-то далеко за лесом, там тоскует»⁹. Нет спокойствия, отдыха, нет того привычного покрова, который скрывает дневную суету и пульсирующую в ней жизнь. Наоборот, покровы как будто бы сорваны и в свете «полуночного» солнца открываются невидимые днем тайны: человек остается в эту минуту остановившегося времени и в это мгновение замершего мира наедине со своей душой и Вселенной.

Межвременье, пограничное состояние, которое улавливают писатели в северных солнечных ночах, переключается с мотивами сна, грез, сказки, тайны, тумана – чего-то недоступного для трезвого научного объяснения, трудноуловимого, таинственного, загадочного. Как отмечают исследователи, для А. Ремизова, чье творчество, безусловно, повлияло на стиль (и во многом – мировосприятие) М. Пришвина и Е. Замятина¹⁰, мотив сна, образы-сновидения, ощущение «перетекания» яви в сон и сна в реальность являются основой поэтики [3, 4].

«Это грезы... Светлая северная ночь. Все тихо. Спят. Как они могут спать такой светлой,

безгрешной ночью?» – восклицает автобиографический герой М. Пришвина в очерковой книге «За волшебным колобком» (1908). И далее читаем: «И хорошо же вот так удрать от всех в какое-то новое место, полное таинственных сновидений! <...> Как только колобок перестанет петь свою песенку, я пойду дальше. А там еще таинственнее. Ночи будут светлеть с каждым днем, и где-то далеко отсюда, за Полярным кругом, в Лапландии, настанут настоящие солнечные ночи»¹¹.

Само оксюморонное сочетание «солнечная ночь», довольно часто встречающееся в пришвинском тексте, содержит в себе элемент невероятности, чудесности. В самом начале рассказа Е. Замятина «Африка», когда его герой Федор Волков, растревоженный рассказами «из заморских» гостей о чудесной стране, не может уснуть белой ночью – идет к дому, в котором остановились приезжие, и слышит чарующую песню заморской девушки, он не может понять – во сне это было с ним или наяву.

Сновидения в художественном тексте, как правило, способствуют созданию философского подтекста, они разрушают иллюзию одномерности и линейности времени и пространства: пространство расширяется, художественное время совмещает в себе прошлое, настоящее и будущее. Также сновидения обладают глубоко архаичной природой: обращаясь к родовой памяти, глубинным пластам подсознания, они тем самым обращаются и к мифологическому пласту смыслов и значений.

Ночь проводит границу между сном и реальностью, однако белой ночью трудно ее уловить. Здесь происходит сближение символики образа белой ночи с символикой сновидения, белая ночь становится сном о реальном мире, когда человеку на грани сна, яви, сказки удается

⁷Пришвин М.М. За волшебным колобком. С. 135.

⁸Замятин Е.И. Африка. С. 82.

⁹Ремизов А.М. Белая ночь. С. 106.

¹⁰О творческом диалоге А. Ремизова и М. Пришвина см.: [5–8]. Также см.: Письма М.М. Пришвина к А.М. Ремизову / вступ. ст., подгот. текста и примеч. Е.Р. Обатниной // Рус. лит. 1995. № 5. С. 157–208.

¹¹Пришвин М.М. За волшебным колобком. С. 87.

услышать голос мироздания, обнажающего тайны мира. Взаимодополняемость и символическая близость образа белой ночи и мотива сна позволяют говорить о схожести спектра смыслов, которые они актуализируют в тексте: многоплановость и сложность пространства и времени, размытость их границ, изменение очертаний реального мира, особое эмоциональное состояние человека.

Белая ночь в северных произведениях М. Пришвина неизменно соотносится не только с мотивом сна, но и с важным для писателя мотивом чуда, сказки: «Сказки, и белые ночи <...> запутали <...> Солнце еще над морем, еще не село. И все будто грезится сказка»¹². Созданный Пришвиным в северных очерках природный мир наполнен стихией чудесно-сказочного, которая не только задается сюжетным мотивом путешествия за волшебным колобком, но и прослеживается в поэтике, основанной на мифопоэтическом мировосприятии. Одним из чудес Севера для писателя становится таинство солнечной ночи.

Белая ночь – это то время, когда обостряются восприятие и чувства человека, ведь, чтобы не выпасть из ритма жизни, он должен отдыхать ночью, однако под магическим воздействием белой ночи отдохнуть не так-то просто – она завораживает, гипнотизирует, будоражит, обещая чудеса и превращения: «Был тот самый час, когда ночное солнце ненадолго остановилось в небе и с открытым глазом дремало над угольно-черными скалами Оленьего острова. Все было вдесятеро слышнее, чем днем, каждое слово, каждый плеск весла, каждый удар сердца»¹³. Автобиографический герой М. Пришвина замечает, что, испытав на себе действие «беломорских ночей», уже «чувствует себя другим: то взвинченным, то усталым»¹⁴.

Поэтому, по его мнению, и у растений на Севере «такой напряженный зеленый свет»¹⁵, ведь они, не отдыхая, растут и днем, и ночью, потому что время роста на Севере очень коротко: после периода полярного дня наступит продолжительная полярная ночь, и жизнь надолго замрет под снежными покровами и льдами.

Белая ночь не только влияет на человека, но и изменяет предметы окружающего мира: в свете «полуночного» солнца все привычное видится совсем по-другому. Герой М. Пришвина сталкивается с магией «белоночья», находясь на корабле на Ладожском озере; наступает ночь, но по-прежнему светло, однако все становится иным – «призрачным»: дым в такой призрачности видится длинной, широкой дорогой, уходящей вдаль, в небо; след на воде от парохода, став призрачным, не исчезает, а расширяется к исчезающему берегу; обычные люди – попутчики – вдруг становятся «таинственными глубокими существами»¹⁶. Белая ночь как будто приоткрывает сложность и многоплановость мира.

Образ белых ночей в рассматриваемых произведениях амбивалентен: с одной стороны, это чудесное, до конца непонятное человеку природное явление, вызывающее восхищение, с другой – это то, что вторгается в привычный ход жизни, путает, не дает отдыхать от дневной суеты. Например, у М. Пришвина обнаруживаемое такое описание: «...светлые северные ночи. Они безгрешные, бестелесные, они приподняты над землей, они – грезы о нездешнем мире»¹⁷. Здесь свет белых ночей в противоположность всем негативным значениям и смыслам, связанным с ночной темнотой, актуализирует смысловые аспекты, соотносимые с архетипом «свет»: чистота, святость, бестелесность, безгрешность. Однако Пришвин пишет и о том, что это отсутствие границ между днем и ночью

¹²Пришвин М.М. За волшебным колобком. С. 85.

¹³Замятин Е.И. Ёла // Замятин Е.И. Избранное. С. 57.

¹⁴Пришвин М.М. За волшебным колобком. С. 117.

¹⁵Там же.

¹⁶Там же. С. 4.

¹⁷Там же. С. 84.

«раздражает даже и помирившегося, привычного к этому северного человека»¹⁸, и называет солнечные ночи на Белом море «тяжелым кошмаром»¹⁹.

Так, и у Е. Замятина проскальзывает негативная оценка в описании белых ночей: «...уходила весна, девушка застенчивая; аукало за лесом лето, с ночами голыми, белыми, с бесстыдным солнцем ночным...»²⁰. Как будто светлая северная ночь бесстыдно приоткрывает то, что не позволено видеть и что обычно скрыто от глаз человека ночной темнотой. Более того, у Замятина в связи с образом белой ночи звучит мотив смерти: «А ночи – страшные, зрячие: помер человек – а глаза открыты, глядят и все видят, чего живым видеть нелеть»²¹. Граница между днем и ночью соотносится с границей

между миром живых и мертвых, а белой ночью эта граница смещается: «неусыпное» солнце не дает человеку заснуть, приоткрывая завесу того, что обычно не дано знать людям.

Итак, при создании образа белых ночей в рассмотренных произведениях А. Ремизова, М. Пришвина и Е. Замятина обнаруживается общность или близость смыслов на образно-символическом уровне: белые ночи – средоточие невыразимой красоты и таинственности, пора межвременья, оказывающая одновременно очистительное и будоражащее действие на душу человека. Писатели, в поэтике которых много сходных черт²², выходят к тем сверхсмыслам этого образа, отраженным в Северном тексте русской литературы, которые способствуют созданию мифопоэтического облика Русского Севера.

Список литературы

1. Галимова Е.Ш. Художественное воплощение феномена белых ночей в Северном тексте русской литературы // Геокультурное пространство Европейского Севера: генезис, структура, семантика: сб. науч. ст.: материалы V и VI Помор. чтений по семиотике культуры. Архангельск, 2011. С. 442–448.
2. Борисова Н.В. Художественное бытие мифа в творческом наследии М.М. Пришвина: дис. ... д-ра филол. наук. Елец, 2002.
3. Сергеев О.В. Алексей Ремизов – узник снов: поэтика сновидений в прозе А.М. Ремизова 1890–1910-х гг. М., 2002.
4. Славина О.Ю. Поэтика сновидений (на материале прозы 1920-х годов): дис. ... канд. филол. наук. СПб., 1998.
5. Дворцова Н.П. М. Пришвин и А. Ремизов (к истории творческого диалога) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9: Филология. 1994. № 2. С. 27–33.
6. Дворцова Н.П. М. Пришвин и «школа А. Ремизова» // Серебряный век русской литературы: проблемы, документы. М., 1996.
7. Провоторов А.В. Творческий диалог Алексея Ремизова и Михаила Пришвина // Изв. Рос. гос. пед. ун-та им. А.И. Герцена. 2009. Вып. 114. С. 232–235.
8. Розанов Ю.В. Пришвинский миф Алексея Ремизова // Вопр. лит. 2004. № 1. С. 70–83.

References

1. Galimova E.Sh. Khudozhestvennoe voploshchenie fenomena belykh nochey v Severnom tekste russkoy literatury [Artistic Embodiment of the Phenomenon of White Nights in the Northern Text of Russian Literature]. *Geokul'turnoe prostranstvo Evropeyskogo Severa: genesis, struktura, semantika: sb. nauch. st.: materialy V i VI Pomor. chteniy po*

¹⁸Пришвин М.М. За волшебным коlobком. С. 31.

¹⁹Там же. С. 92.

²⁰Замятин Е.И. Африка. С. 77.

²¹Там же. С. 78.

²²См., в частности, об этом: Давыдова Т.Т. Русский неореализм: идеология, поэтика, творческая эволюция (Е. Замятин, И. Шмелев, М. Пришвин, А. Платонов, М. Булгаков и др.): учеб. пособие. М., 2011; Дворцова Н.П. М. Пришвин и его «вечные спутники» (Д. Мережковский, В. Розанов, А. Ремизов): учеб. пособие. Тюмень, 1995.

semiotike kul'tury [Geocultural Space of the European North: Genesis, Structure, Semantics: Proc. 5th and 6th Pomor Readings on the Semiotics of Culture]. Arkhangelsk, 2011, pp. 442–448.

2. Borisova N.V. *Khudozhestvennoe bytie mifa v tvorchestvom nasledii M.M. Prishvina*: dis. ... d-ra filol. nauk [The Artistic Life of Myth in the Works by M.M. Prishvin: Dr. Philol. Sci. Diss.]. Yelets, 2002.

3. Sergeev O.V. *Aleksey Remizov – uznik snov: poetika snovideniy v proze A.M. Remizova 1890–1910-kh gg.* [Aleksey Remizov: A Prisoner of Dreams: Poetics of Dreams in A.M. Remizov's Prose of the 1890s – 1910s]. Moscow, 2002.

4. Slavina O.Yu. *Poetika snovideniy (na materiale prozy 1920-kh godov)*: dis. ... kand. filol. nauk [The Poetics of Dreams (Based on the Prose of the 1920s): Cand. Philol. Sci. Diss.]. St. Petersburg, 1998.

5. Dvortsova N.P. M. Prishvin i A. Remizov (k istorii tvorcheskogo dialoga) [M. Prishvin and A. Remizov (on the History of Creative Dialogue)]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 9: Filologiya*, 1994, no. 2, pp. 27–33.

6. Dvortsova N.P. M. Prishvin i “shkola A. Remizova” [M. Prishvin and “A. Remizov's School”]. *Serebryanny vek russkoy literatury: problemy, dokumenty* [The Silver Age of Russian Literature: Problems and Documents]. Moscow, 1996.

7. Provotorov A.V. *Tvorcheskii dialog Alekseya Remizova i Mikhaila Prishvina* [Creative Dialogue of Aleksey Remizov and Mikhail Prishvin]. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena*, 2009, no. 114, pp. 232–235.

8. Rozanov Yu.V. *Prishvinskiy mif Alekseya Remizova* [The Prishvin Myth of Alexey Remizov]. *Voprosy literatury*, 2004, no. 1, pp. 70–83.

DOI: 10.17238/issn2227-6564.2017.2.131

Ol'ga V. Pospelova

Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov;
ul. Smol'nyy buyan 7, Arkhangelsk, 163002, Russian Federation;
e-mail: kary17@yandex.ru

THE IMAGE OF THE MIDNIGHT SUN IN THE LITERARY WORKS ABOUT THE RUSSIAN NORTH BY A. REMIZOV, M. PRISHVIN, AND E. ZAMYATIN

The following literary works are studied here in terms of the Northern text of Russian literature: Aleksey Remizov's poem “White Night”, which was included in the third passus (“Midnight Sun”) of his novella “Imprisoned”, connected with his northern exile; Mikhail Prishvin's essays about the North “In the Land of Unfrightened Birds” and “The Bun”, as well as Evgeny Zamyatin's short stories “Africa” and “Yola”, and his novel *The North*. The image of the white night is one of the prevailing images in the literary works comprising the Northern text of Russian literature. This can probably be explained by the fact that this image expresses the unique, indescribable beauty of the North. Furthermore, the image of the white night allows the authors to express their worldview: in the light of the midnight sun all the invisible mysteries of the day become uncovered, and when the time stands still the man is left face to face with the world. The image of the white night, created by the authors in the works above, is concise and ambivalent and contains a special mythopoetic symbolism. The analysis of the above-mentioned literary works revealed a number of similar motifs in the description of white nights by these very different authors, who for various reasons found themselves in the Russian North. The ethereal light of the white nights not only stirs and excites one's imagination, but also alters the things around, thus obliterating the dividing line between the real world and the world of dreams and uncovering the mysteries of the universe. The image of the white nights is linked with the motifs of the dream, mist, fairy tale and miracle. In the literary works under study, the time between night and day is marked with a special crystalline unsteadiness, transparency and pureness.

Keywords: Northern text of Russian literature, A. Remizov, M. Prishvin, E. Zamyatin, image of the white night, image of the midnight sun.

Поступила: 15.04.2016
Received: 15 April 2016

For citation: Pospelova O.V. The Image of the Midnight Sun in the Literary Works About the Russian North by A. Remizov, M. Prishvin, and E. Zamyatin. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2017, no. 2, pp. 131–136. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2017.2.131